

*Прошли святочные веселья,
Гуляньицам конец.
Задушевную подруженьку
Становят под венец.*

(зап. от М.А. Соколова, 1926 г.р., в с. Ножкине (ноябрь 1994 г. [АШ])).

«Тема брака занимала видное место на игрищах. Святочные вечерки были одним из узловых моментов годового цикла семейной обрядности» [Макашина 1997, 5]. На беседах, гуляньях завязывались знакомства. Возникшие отношения и чувства молодежи делали исполнение кадрилей важным эпизодом деревенской жизни, когда прилюдно «женихи» выбирали себе «невест». Тем самым кадрили, как и хореографический компонент народной культуры в целом, выполняла традиционные ритуальные функции, связанные с установлением брачных отношений внутри общины.

Литература

Байбурова 2000 — *Байбурова Р.М.* Праздники в Москве 100 лет назад // Развлекательная культура России XVIII—XIX веков: Очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 258—279.

Виноградова 1982 — *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. М., 1982.

Галкин 1992 — *Галкин В.* Чухлома. Чухлома, 1992.

Кирюшина 2001 — *Кирюшина Т.В.* Костромские песни и наигрыши. Кострома, 2001.

Климов 2004 — *Климов А.А.* Основы русского народного танца. М., 2004.

Макашина 1997 — *Макашина Т.С.* Святки // Святки: Сб. М., 1997. С. 3—10.

Некрылова 1989 — *Некрылова А.Ф.* Круглый год: Русский земледельческий календарь. М., 1989.

Пашина 1998 — *Пашина О.А.* Календарно-песенный цикл у восточных славян. М., 1998.

Пропп 2000 — *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). М., 2000.

Русский праздник 2002 — Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2002.

Стоглав 1863 — *Стоглав.* СПб., 1863.

Хренов 2000 — *Хренов Н.А.* Земледельческие архетипы на городской площади // Развлекательная культура России XVIII—XIX веков: Очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 280—299.

Сокращения

АК — архив Т.В. Кирюшиной.

АШ — архив А.И. Шилина.

ПНИЛ РАМ — архив Проблемной научно-исследовательской лаборатории по изучению традиционных музыкальных культур Российской академии музыки им. Гнесиных.

И.Г. СКЛЯР
(Москва)

ЛУГОВОЙ ПРАЗДНИК КОМИ-ЗЫРЯН (ПОЛЕВОЙ ОЧЕРК)

Бассейны рек Ижмы и Печоры составляют единую этнографическую зону Коми республики — здесь расселены коми-ижемцы. В прежние времена они были самыми зажиточными по сравнению с другими коми-зырянами. В одном только с. Мохча до революции работали более двадцати замшевых заводов. Ижемцы смело осваивали тундру, тесно общались с ненцами, имели речные суда, торговали мехами, замшей, оленьей, семгой. Магазины ижемских купцов были в Петербурге, Архангельске и даже в Париже. Коми-ижемские национальные празднества, гуляния отличались особой широтой, щедростью и богатством.

Наибольший интерес представляет собой массовый праздник коми-ижемцев — Луд, широко распространенный и почитаемый среди коренного населения сел и деревень, расположенных по всей Ижме, в среднем течении реки Печоры, устьях рек Колвы, Кедвы, Усы. Как свидетельствуют очевидцы, наибольшего размаха ижемские праздники достигли в конце XIX — начале XX века. В предвоенные и послевоенные годы они запрещались под тем предлогом, что массовые танцы наносили вред луговым травам перед сенокосной страдой. Но в то же время фрагменты традиционного празднества входили в советские общегосударственные, профессиональные и сельские праздники, такие как Первое мая, Праздник русской березки, День рождения Республики Коми, День оленевода, День работника сельского хозяйства и др. Немало отдельных песен, хороводных игр, танцев из *лудын ворсом* (лудовых игр) сохранилось в репертуаре ижемских фольклорных коллективов, в частности народного ансамбля песни и танца Ижемского Дома культуры. В настоящее время праздники возрождаются в своем первоначальном виде. Почти утраченная традиция многие годы жила

в памяти людей и сегодня обретает новое звучание.

Ниже приводится подробное описание ижемского танцевально-песенного игрища Луд, основанное на полевом материале, собранном в период с лета 1976 по осень 1994 года¹. За это время автору довелось неоднократно наблюдать праздник в селах Ижма, Мохча, Бакур, Гам, Вертеп, Усть-Ижма, Диюр и др. Огромную помощь в деле воссоздания достоверной картины коми-ижемских народных гуляний оказали Евдокия Константиновна Кожевина, 1895 г.р., коренная жительница с. Мохча; Анна Ивановна Истомина, 1896 г.р., коренная жительница с. Ижма; Константин Иванович Рочев, 1902 г.р., уроженец села Петрунь, и многие другие старейшие жители ижемских сел и деревень. Пожилые люди с удовольствием исполняли роли запевал, заводил, хороводников. Они показывали всем людям, принимавшим участие в празднике, что нужно делать.

Название *луд* старожилы объясняют просто: «Так раньше называли, и мы теперь так называем». В переводе с коми языка *луд* значит 'пойменный луг', широкое, открытое, безлесное место, предназначенное именно для проведения празднества. Луговые гуляния, игры, забавы широко распространены по всей территории Республики Коми. Но ижемские луговые праздники отличаются особым своеобразием.

По обычаю, праздник проводится в конце июня — начале июля, когда наступает *Еджыд лун* (белый день), в самый разгар белых ночей. Точного дня не определяли, ориентировались больше на погоду, но устраивали Луд не позднее *Иван лун* (Иванова дня). В это время солнце практически не уходит за горизонт, буйно цветет черемуха, расцветают первые луговые цветы, вся северная природа переполняется весенней красотой, буквально преобразается под теплыми лучами незакатного солнца.

Прекрасные пойменные луга неспроста были выбраны ижемцами местом массовых гуляний. Прежде всего,

¹ Экспедиционные материалы хранятся в Государственном центре народного творчества Министерства культуры Республики Коми (г. Сыктывкар).

ижемцы ценили и любили красоту своих лугов, к тому же для праздника им нужен был простор. Важно, чтобы всем хватило места, никто никого не стеснял, поскольку на Луд порой сходятся и съезжаются жители нескольких сёл и деревень. Центром праздника в последние годы, как и в прежние времена, чаще всего является самое богатое и многолюдное село Ижма, где собирается до нескольких тысяч гостей со всех концов обширного Ижемского края. Останавливаются, как правило, у многочисленной родни или знакомых, отчего праздник приходит в каждый дом с обычными в таких случаях веселыми застольями, хождениями в гости, гуляниями по главной улице села с гармонистом. Но основные события праздника разворачиваются на лугах.

Луд — праздник-гуляние, народное игрище, многолюдное действо с непременными проявлениями национального гостеприимства, угощением в складчину и обильной выпивкой, включающее в себя игры, хороводы, песенные и плясовые состязания, театральные действия ряженных, элементы традиционной карнавальной культуры. Мужчины состязались в силе и ловкости, прыгали на подкидных досках. Особое место в празднике занимали скачки на лошадях и качели — любимые развлечения коми-ижемцев. Прокатить девушку на лошади или покачать ее на качелях считается «первым делом». Качели крепили цепями на высоких столбах, стремились добиться как можно большей амплитуды раскачивания. И всегда находились смельчаки, которым удавалось совершить полный оборот. Подобные удалцы и в танцах, играх, состязаниях вели себя столь же бесстрашно, напористо, никому просто так не уступая первенства.

При всем разнообразии основных событий праздника танцевальные моменты в нем были определяющими. У коми-ижемцев пляска является высшим проявлением веселья, жизнерадостности. Народ всегда судил, насколько удался праздник по тому, много ли танцевали. Первым признаком неудавшегося праздника считается отсутствие танцев. Танцы, игры, песни — своеобразный «барометр» общественного настроения. Танец, считают на Ижме, — лучшее средство от тоски, неприязни, вражды.

«Бывало, — говорит Анна Ивановна Истомина, — парни передерутся, пересорятся, придут на Луд — друг от друга далеко встанут. Деревня против деревни стеной стоит, в кучи жмутся... А как гармонь заиграет, бабы с девками запоют да «воротами» пойдут, — тут, глядишь, и парни обмякнут, улыбаются. В танец пойдут, да так разыграются на всю ночь, что забудут, с какой обидой пришли. Да и не положено перед стариками да девками безобразничать, драку затевать или еще что...».

Одна из важнейших особенностей ижемских луговых танцев — массовость, что предопределило их композиционное построение и взаимоотношения между танцующими. На Луде не бывает зрителей. Все должны веселиться, вовлекая в свои ряды даже тех, кто стесняется или не хочет танцевать. По ижемским обычаям, важнейшим в танце является момент приглашения в общий танец. Только на Ижме нам доводилось наблюдать, как весь огромный, в сотни человек, хоровод не посчитает за труд переместиться на несколько метров в любом направлении навстречу слишком застенчивой девушке или заважничавшему парню, чтобы пригласить их в танец, если те стоят в отдалении, скучают и не принимают участия в общем веселье. Хоровод «всем миром» шел их приглашать с поклонами, а упрямылись — ташили за руки. Волей или неволей, но все присутствующие должны принимать участие в танце без ограничения в возрасте.

Однако нельзя не отметить разницы в поведении молодежи и людей старшего возраста. Старшие держатся в танцах с особым достоинством, они более сдержанно проявляют свои эмоции. Чтобы не вызвать пересудов на селе, они предпочитают брать в пару своих жен, мужей, ближайших родственников. Молодежь, наоборот, стремится к свободному общению друг с другом, открыто выражает свои симпатии. Ижемские обычаи позволяют молодым до женитьбы относительно большую свободу, чем, скажем, обычаи их русских соседей усть-цилемов. На гулянии, даже в присутствии старших, им не приходится скрывать свои чувства — всё выражается открыто, с присущей молодости эмоциональностью. Это создает особую атмо-

сферу раскованности ижемских луговых празднеств, способствует раскрытию индивидуальности каждого исполнителя и яркому отражению в танцах национальных черт коми-ижемского характера.

Жизнь в суровых климатических условиях, занятия оленеводством, охотой, рыболовством требовали от ижемцев трудолюбия, выносливости, закалки, умения бороться со стихиями, преодолевать тяготы кочевой жизни, надеяться в трудную минуту прежде всего на самого себя. Может быть, поэтому основными чертами ижемского характера стали твердость, мужество, упрямство, настойчивость, деловитость, уравновешенность, чувство собственного достоинства, трезвость оценки себя и окружающих. Ижемцы ценят в человеке силу, ловкость, умение постоять за себя, сноровку, даже изворотливость и хитрость. Всё это имеет значение для самобытного танцевального искусства ижемцев. В их хороводных танцах, играх заметно преобладание тем и сюжетов с элементами состязания, соперничества, в которых побеждает более ловкий, смелый, сильный, быстрый и находчивый, что, в свою очередь, отразилось на характере танцев, их композиции.

Сама жизнь поставила мужчин и женщин в примерно равные условия. Среди наших информантов немало женщин, которые по много лет проводили вместе с мужьями в тундре и, несмотря на все обстоятельства, могли наравне с ними выносить тяготы нелегкой жизни оленеводов. Чум посреди бескрайней тундры был их домом. Здесь они рождались, росли, выходили замуж, рожали своих детей, трудно и много работали, перегоняя оленей стада с места на место. Старые ижемки-олeneводы Алевтина Васильевна Хатанзейская, Мария Николаевна Истомина, Екатерина Егоровна Рочева рассказывали о том, что первый раз в своей жизни увидели зеленую траву и деревья только после шестидесяти лет, когда вышли на пенсию и перестали кочевать вместе с оленями за Полярный круг к берегам Карского моря. Суровые условия жизни, необходимость наравне с мужчиной, а иногда и без него, вести настоящую борьбу за выживание, умение управляться с оленями, профессионально владеть арканом,

хореем², топором, ружьем, охотничьими и рыболовными снастями поставили коми-ижемку в особые условия.

Относительная самостоятельность ижемских женщин в жизни отразилась и на их поведении в танцах. Ижемка ведет себя на празднике раскованно, свободно, сама имеет право приглашать на танец любого из присутствующих. По ижемским обычаям, выйти первой в общий круг и пригласить мужчину для женщины не считается зазорным или противоестественным, даже если он в ответ и не пойдет с ней танцевать. Наоборот, гордые, своенравные, чуть замкнутые, но всегда уравновешенные ижемские мужчины не выйдут в танец до тех пор, пока не будут приглашены женщинами. По традиции, женщина первой подходит к мужчине, с поклоном или как-то иначе, приглашает его танцевать. Мужчина может и не отвечать на ее приветствие, но в любом случае он не должен тут же следовать за ней, что противоречило бы обычаям. Нужно выдержать паузу, дать возможность женщине вернуться на свое место или остановиться в центре круга, а затем уже подходить к ней, в ответ на ее приглашение предложить ей руку, вывести в круг и начинать танец. Пауза после приглашения дается как бы для раздумий и оценки действий женщины всеми присутствующими. Всё имеет большое значение: как она подошла, как пригласила, а самое важное — как отошла и встала на свое место. А для женщины эта пауза дает возможность показать себя в полном блеске праздничного наряда и грациозности движений³.

Национальная одежда, коми-ижемский праздничный костюм оказали ог-

² Шест для управления оленьей упряжкой.

³ Ижемцы любят видеть своих женщин на праздниках красивыми, нарядными, поэтому мужья и отцы никогда не скупались на наряды своих жен и дочерей. По сей день во всех ижемских селах хранится в сундуках большое число старинных национальных костюмов, дорогих шалей и полушалков, сарафанов, ярких парчовых кофт, жемчужных, серебряных и золотых украшений. Ижемки любят, ценят, бережно хранят дорогие наряды и умеют их носить. Для них всегда очень важно, в чем появиться на людях, а тем более на празднике, в хороводе.

ромное влияние на формирование пластики ижемцев, способов их движения и в быту, и в танце. Благодаря одежде, рельефу местности и климатическим условиям у ижемцев выработалась особенная стать, что очень заметно даже в повседневной жизни, но с особой выразительностью проявляется в их танце. У ижемок подчеркнуто прямая спина, очень стройный корпус, высокая посадка головы — следствие удлиненных, тяжелых одежд: малиц, сарафанов, в которых ижемки ходят большую часть года. Малица скрывает всю фигуру и при движении чуть оттягивает корпус и голову назад, от чего центр тяжести тела смещается и оказывается «за спиной», ноги как бы обгоняют корпус, и создается впечатление, будто ижемка «несет себя», плавно покачиваясь из стороны в сторону на бедрах. Плечи опущены, от чего шея кажется длинней, высоко поднятый подбородок еще больше открывает и удлиняет шею, ее красивый изгиб подчеркивается парчовыми оплечьями кофты и множеством ожерелий разной длины, каскадом спадающих на высокую грудь. Голова чуть запрокинута назад под тяжестью шали, и всё это придает ижемке горделивый, но вместе с тем женственный вид. Высокая талия, перехваченная плетеным цветным поясом, и широкий, тяжелый сарафан из дорогой «заморской» тафты, «китайки» или парчи полностью скрывает движения ног, что делает шаги даже пожилых ижемок очень грациозными, плавными, женственными. Малоподвижные, чуть «тяжелые» руки свободно опущены вдоль корпуса. Вторая шаль, произвольно накинутая на плечи, ниспадает по рукам, лишая их движения резкости, суетливости, а развеваясь при движении, придает походке едва уловимую «окрыленность». Очень любят ижемки танцевать так, чтобы сарафан раздувался «парусом» и хлопал при поворотах, как на ветру.

Ходят ижемские женщины чаще всего в полуоборот, правым или левым плечом вперед, меняют ракурс положения корпуса, заставляя играть, переливаться всеми цветами радуги складки дорогих тканей. Причину такой походки никто из информантов не смог объяснить, если не считать отшучиваний типа: «Горделивые очень», «Слишком задаются». Но одно

объяснение нам показалось убедительным. По словам Светланы Степановны Носовой из с. Петрунь такая походка ижемцев связана с их жизнью в тундре. «Против ветра плашмя не больно-то пойдешь, — объясняет она, — навстречу пурге да ветру боком-то легче, вот и ходят всю жизнь боком, только в тундре пригибаются, тундра любит, когда ей кланяются, а праздник на то и праздник, чтобы спину распрямить».

Современные ижемские женщины, отправляясь на праздник, надевают белые модельные туфли на невысоком устойчивом каблучке. Но исконная национальная обувь — пимы, — сшитая из оленьего камуса, прочная, теплая и надежная в этих климатических условиях обуви. В такой легкой, удобной обуви танцевальные шаги становятся мягкими, скользящими, неслышными. В ижемской народной хореографии почти полностью отсутствуют дробь, выстукивания ногами различных ритмических узоров, сильных притопов. Плавная, грациозная поступь с носка на всю ступню у женщин и с пятки на всю ступню у мужчин — вот основные способы движения в ижемских медленных хороводных танцах.

В плясках, в быстрых танцевальных играх у женщин и мужчин появляется «пружинность» танцевальных шагов, особенно заметная в мужских танцах. При нарастании темпа мужчины чуть сгибают колени, придавая ногам более устойчивое положение, что сразу отражается на общей осанке и характере движений. Мужчины предпочитают в танце легкие прыжки с ноги на ногу в разных направлениях, часто опускаются в полную присядку, высоко выпрыгивают над соперниками, демонстрируя свое превосходство. Мужская одежда ижемца-оленевода, отлично приспособленная для жизни и работы в тундре, не сковывает тела, позволяет ему свободно двигаться. Эта привычка к свободе движения, выработанная условиями работы с оленями, нашла яркое проявление в мужских ижемских танцах, в поведении мужчин на игрищах. Походка у ижемца в танце легкая, упругая, подтянутая. Он, во всем привыкший полагаться на себя, предпочитает развлечения для сильных, смелых, мужественных людей, а если учесть тот факт, что среди

ижемцев много рослых, широкоплечих, по-настоящему мужественных людей, то становится понятным и объяснимым их поведение в танце. Такой редко уступит сопернику без борьбы и место в круге, и понравившуюся девушку.

До наших дней на Ижме мало сохранилось хороводных и игровых песен в отличие от обширного хореографического репертуара, и если представители старшего поколения начинают танцевать какой-либо луговой танец, непременно ссылаются на необходимость позвать гармониста⁴. Инструментальная музыка ижемских луговых празднеств как, впрочем, многое из того, что связано в ижемских деревнях с гармонью, всегда была «на городской манер», а среди наиболее часто исполняемых песен — «Му малина» («Земляника»), «Изьваис кылалэ» («На реке Ижме ледоход»), «Изьва ю кузя» («По реке Ижме») и др. Во время своих луговых хороводов ижемцы поют и русские песни. Особенно любима ими песня «Отворяйтеся широкие ворота». Быстрые игры и танцы исполняют под местные варианты общенациональных коми наигрышей «Шондыбанэй олэмэй» («Солнцеликая жизнь»), дополняя их коми-ижемскими припевками, содержание которых зачастую тесно связано с происходящим во время игры или танца.

Все танцы Ижмы разделяются на два основных вида. Первый включает в себя танцы, которые исполняются и в праздничные, и в будние дни, по любому поводу и без повода. Среди них несколько видов кадрилией, бытовых танцев типа тустеп, падеспань, краковяк и несколько местных вариантов общенациональной пляски «Шондыбан». Второй вид — танцы больших лугов, как их назвала Евдокия Константиновна Кожевина из с. Мохча. Они требовали особой праздничной обстановки, атмосферы веселья, развлечения и забав, повода, ради которого собиралось множество народа. Судя по рассказам очень пожилых информантов,

⁴ Первые гармонисты, по утверждению П.И. Чисталева, появились на Ижме раньше и в большем числе, чем в других местах коми края. Пожилые ижемцы в разговорах о луговых праздниках не припоминают иного музыкального сопровождения, кроме песен или гармошечных наигрышей.

эти хороводы и хороводные игры появились давно. Их танцевали только летом на пойменных лугах за рекой Ижмой во время праздника Луд.

Танцевальный цикл луговых весенних хороводов получил в народе название «Ворота». Название цикла заимствовано коми-ижемцами у русских. На Ижме, как и во всех других районах Республики Коми, где компактно проживает коренное население, ворот в прямом значении этого слова не существует, равно как и высокие сплошных заборов. В коми языке отсутствует и само слово «ворота». На всех диалектах коми языка оно звучит по-русски. Но образ ворот как символа богатого дома, крепкой семьи пришелся ижемцам по душе. «Воротами» ижемцы называют и гуляния по деревне, и танцевальные шествия, и хороводные игры, и пляски, и даже погони юношей за девушками по лугам, поскольку во всех перечисленных действиях присутствует главный для всех танцев цикла элемент композиции — различные парные соединения рук и проход танцующих под ними. Особенность цикла заключается в отсутствии круговых композиционных построений, типичных для танцев южных районов республики. Различные сочетания соединений рук «воротами» дают возможность для более богатого и разнообразного построения хореографического рисунка.

Хороводный цикл «Ворота» состоит из шестнадцати хороводов и хороводных игр: «*Муном*» («Шествие»), «*Кык ряд*» («Два ряда»), «*Орчон сулавны*» («Стоять рядом»), «*Мунны мунгымоз*» («Идти проходом»), «*Мунны звойкон*» («Идти вереницей»), «*Кругон ворсом*» («Игра в кругу»), «*Куимон*» («Втроем»), «*Кокъямыс*» («Восьмерка»), «*Кором виччысьны*» («Ждать приглашения»), «*Иган*» («Замок»), «*За кывтчос*» («По течению реки»), «*Паныда шор*» («Встречный ручей»), «*Модар берег*» («Противоположный берег»), «*Петляяс*» («Петли»), «*Мича юсь*» («Лебедь»), «Капуста»⁵.

⁵ С помощью старожил, непосредственных участников старинных ижемских праздников, мы получили возможность восстановить хороводный цикл «Ворота» в той последовательности, в которой он существовал в празднестве Луд.

Повсеместно Луд начинался со сбора людей на улицах села. Шли чаще всего посемейно, домами, вместе с соседями и родственниками. Старшие — впереди, а молодежь — за ними. У каждой группы был свой гармонист или баянист. Те, у кого не было гармониста, присоединялись к группам с «*гармоньщиком*». С разных концов села собирались на центральную площадь, к Дому культуры или клубу. На подходе к месту общего сбора начинали петь песни. Нужно отметить, что ижемцы не стараются перекричать друг друга, любая группа готова уступить право исполнения песни другим, помочь им своими голосами или просто послушать.

Когда собиралось достаточное число народа, начиналось шествие в луга. Для этого необходимо было переправиться через речку Ижму с высокого правого на пологий левый берег. Переправлялись на простых и моторных лодках, но чаще всего на пароме. На противоположном берегу всех встречали всадники, переправившиеся на ту сторону загодя.

Конные состязания являются неотъемлемой частью праздника Луд. После обычных приветствий, начинались «*Луд вылын котравны*» («Бегать в луга») — общее название целого цикла развлечений, соревнований, игр. Первыми «бежали в луга» всадники. Оседлав коней, молодые парни из разных ижемских деревень скакали, обгоняя друг друга, демонстрируя при этом завидное мастерство наездников. Вначале они несколько раз разъезжались и многократно возвращались к месту переправы, маневрируя в разных направлениях. Все с интересом наблюдали за ними, любясь их удачью. Действительно, парни на лошадях, на зеленом лугу представляют собой зрелище необыкновенное. Однако в этих скачках был и практический смысл. Всадники проверяли состояние луга, выбирали дорогу для хороводников. Они предупреждали о заболоченных местах, промоинах, наполненных водой, выбирали сухие, покрытые густой травой места. Постоянного места праздника не существовало, его каждый раз определяли всадники, в зависимости от состояния лугов. Определив наиболее благоприятный путь и место для праздника, наездники сажали к себе на лошадь девушек

и подвозили их к месту общего сбора. От удовольствия прокатиться верхом никто не отказывался. Даже зрелые женщины не прочь были «вспомнить молодость». За всадниками народ смело вступал на луга целыми толпами.

Открывался Луд массовыми хороводами различного содержания и формы под общим названием «Ворота». Они начинались прямо с выхода на луга. Шествие по лугу группы во главе с гармонистом тоже называли «Воротами». Стоя рядом друг с другом, брались за руки или под руки, образовывали длинную шеренгу и так двигались по лугу. Построения таких «ворот» производные. Девушки могли идти своими «воротами», пожилые и замужние женщины — своими. Иногда к ним присоединялись мужчины и парни, тогда шли вперемежку с парнями или демонстративно отдельно от них. Точно такие же группы выходили из сел и деревень, расположенных на противоположном берегу реки. Жители Мохчи, Сизябска, Бакура и других сел в хорошую погоду видели друг друга и выходили на праздник. Переправившись через Курью⁶, они двигались, со своими всадниками во главе, к месту общего сбора. На композиционную форму построения их шествий в значительной степени влияли рельеф местности и состояние луга. Если луг позволял, шли широко, если нет, двигались парами или вовсе растянувшись в цепочку, но в любом случае это называли «Воротами». Сколько деревень и сел выходило на праздник, столько и хороводов двигалось по лугу.

С приходом на место гуляния начинались «Первые ворота». Эти хороводные танцы служили своего рода смотрами. Праздничные группы из разных деревень множеством поклонов приветствовали друг друга, здоровались, родственники целовались, после чего объединялись в танце, исполняя общие фигуры, и далее шествовали вместе. При этом обсуждались последние новости деревенской жизни, демонстрировались новые наряды, интересовались состоянием здоровья тех, кто не вышел на луг, знакомились с гостями и «чужаками». Это был важный

момент, завязка всего праздника. В нем, помимо всего прочего, еще раз проверялся луг: удачное ли подобрано место, сухо ли. Сырых, заболоченных мест избегали, поскольку боялись испортить дорогие наряды.

«Первые ворота больших лугов» состояли из движения групп навстречу друг другу, расхождений «воротами» на круги, переходов «на чужое место», деления на пары, тройки. При этом композиционный мотив «ворот», прохождение под соединенными руками одного или нескольких исполнителей, строго выдерживался как основной прием всех танцевальных переходов. Многократно проходя сквозь «ворота», все участники хоровода по несколько раз встречались, раскланивались, расходились в луга и вновь встречались и приветствовали друг друга.

Завершив «Первые ворота», каждая группа, заранее облюбовав особо понравившееся место, присаживалась отдохнуть. Здесь же устраивали угощение в складчину. Всё необходимое для лугового застолья приносили с собой. Примечательно, что в начале каждое село или деревня организовывали свой «стол», но потом к нему приглашали соседей, сами охотно откликались на приглашения отведать «чужих» угощений и постепенно все перемещались ближе к одному месту, сливались в одну веселую компанию. Самыми первыми потчевали лучших наездников — победителей скачек. Каждому преподносили ковш *сура*⁷, стакан вина или водки и обязательный в таких случаях пирог — рыбник. Молодежь тем временем устраивала соревнования в беге, в прыжках на подкидных досках и с хореями. Гармони, не умолкая, соперничали друг с другом, равно как и певцы отдельных групп. Чтобы подогреть пищу, в стороне от хороводников разжигались костры. Их разводили старушки или старики, пришедшие на праздник в обывденной одежде. Вокруг костров не собирались даже в прохладную погоду, обычая прыгать через костер во время праздника Луд не существовало из-за боязни опалить наряды. Предпочитали находиться от костров на отдалении,

чтобы ни одна искра не упала на дорожную ткань.

После отдыха игрище возобновлялось и продолжалось с нарастающей силой. Наступало время «Вторых ворот», которые открывались девичьими плавными хороводами. Это был один из самых красивых, поэтических моментов праздника. Девушки, чувствуя к себе повышенное внимание всех окружающих, буквально преображались на глазах, понимая, что,

возможно, именно в этот самый момент для многих из них решалась судьба. Девичьи «ворота» строились в форме «восьмерок» с затейливыми, извилистыми переходами, без длительных статичных моментов и остановок. Девушки из разных праздничных групп, взявшись за руки, ходили по лугу отдельными извивающимися вереницами. Вначале своего хоровода они проходили на виду у всех, затем уходили в луга, там петляли

Хоровод «Мича юсь» («Лебедь») из ижемского лугового цикла «Ворота». Хороводница (в центре) — лебедь, а танцующие справа и слева — два ее «крыла». Поочередно проходя сквозь «ворота», они «завивают перышки»

Все «перышки» завились, «крылья» расправились

Танцует, хороводницы сдвигают «крылья», чтобы потом их вновь расправить

какое-то время и возвращались снова на место общего праздника. Здесь отдельные небольшие вереницы соединялись в более крупные. Хороводницы — девушки, идущие во главе каждой вереницы, — при встречах соединяли свои руки «воротами», сквозь которые проходили остальные девушки. В результате, хороводницы перемещались с первого места на последнее, а во главе хоровода оказывались новые девушки. Они снова петляли в лугах, возвращались, вновь образовывали «ворота», хороводницы менялись местами, и так до тех пор, пока каждая их девушек не побывает в роли ведущей. Девичий хоровод развивался неторопливо, величаво. В нем принимали участие только незамужние, имея редкую возможность поразить своей красотой сразу всю Ижму. И столько души вкладывала каждая из них в танец, словно заранее знала, что станцевать этот хоровод ей предстоит единственный раз в жизни. Парни, как зачарованные, во все глаза глядели на них. Ижемцы с полным основанием называли эти танцы «хороводами невест».

Продолжаются «Ворота невест» сравнительно недолго. Отцы и матери, старшие и младшие сестры поднимаются со своих мест и присоединяются к хороводу будущих невест. Начинается самая интересная и волнующая для молодых сердец часть праздника — «Ворота с приглашением в пару» и связанные с ними убегиания влуга. Среди женщин выбирали самую опытную хороводницу с красивым сильным голосом и доверяли ей начать основную часть праздника. Прежде всего она обходила весь огромный круг присутствующих на празднике, поклонами благодарила всех за оказанную честь и выбирала себе напарника — самого голосистого мужчину, тоже умелого хороводника. Подойдя к нему, приглашала в круг низким поклоном. Вместе они начинали очередную хороводную игру — «Ворота с запорами». Игра состояла в том, что пройти так просто «ворота», как это было в предыдущих хороводах, теперь никому из парней не позволялось: «ворота» запирались на «замки». Происходило это следующим образом. Пара хороводников двигалась вдоль по хороводу, присматривая ту из девушек, которая им больше всех понравится. Подходили к ней, кланялись в пояс. Девушка-«невеста» также отвечала

им поклоном. Хороводники поворачивались к ней спиной и соединяли особым образом руки, а на соединенные руки клали белый кружевной платок — обязательный атрибут всех коми хороводов. Платок, лежащий поверх рук хороводников, играл роль запора-замка. С этого момента девушка-«невеста» считалась посаженной «под замок», она покорно следовала за хороводниками, куда бы они ее не повели. А хороводники двигались по кругу и подбирали ей «жениха». Подходили к выбранному юноше, кланялись ему и, если девушка кланялась вместе с хороводниками, это по правилам игры означало, что «жених» ей нравится и она согласна стать с ним в пару. Но «жених» должен был «отпереть ворота». Ему хороводники предлагали или «открыть замок», или выкупить его. Для этого надо было задобрить хороводников или уважительным поклоном, или словом добрым, или удалой пляской. Но «женихи» предпочитали откупаться сладостями, семечками или орехами. Затем хороводники «отпирали замок» (снимали платок с соединенных рук), открывали «ворота» (поднимали вверх соединенные руки) и пропускали сквозь них парня к девушке. Парень брал девушку за руку, и новая пара тут же включалась в игру, становясь помощниками хороводников. Двумя парами они шли искать и приглашать в хоровод следующую девушку. Вторую «невесту» запирали уже на два «замка». Ее «жениху» приходилось выкупать двойной «замок-запор», чтобы открыть себе путь через двойные «ворота». Третью девушку запирали уже на три «замка», а десятую на десять. Причем, каждый «замок» требовал подобрать к себе особый «ключик». И, чтобы открыть все эти замки, от парня требовалась смекалка, остроумие, хитрость, а порой и сила. Хоровод длился до тех пор, пока одна из девушек не отказывалась от предлагаемого ей «жениха» и просила хороводников ни за какие выкупы не отпирать «ворота», не пускать его к ней. По условиям игры парень всё равно должен был к ней пробраться, но ему всячески препятствовали все пары хороводников. Они обступали его плотным кольцом, требовали какого-то невысказанного выкупа, заставляли плясать, петь, кричать петухом, если же он вырывался,

Жители с. Кельчи Юр (Голова мелкой рыбки) любят танцевать на лугах свой вариант общенациональной пляски «Шондыбанэй олэмэй» («Солнцеликая жизнь»)

держали за руки и за ноги. А девушка тем временем убежала подальше в луга. Освободившись от хороводников, парень бросался в погоню за беглянкой и, если догонял, получал право ее поцеловать, а если нет, то ему лучше было и вовсе не возвращаться в хоровод — засмеют. Хоровод начинался сначала, и всё новые и новые пары устраивали побег в луга. Спустя некоторое время все делились на пары и водили «Ворота» парами.

Затем наступал черед *гезйон ворсом* (игры с веревкой). Их было много. Умение обращаться с веревками, а еще лучше с арканами, присуще всем коми-ижемцам. Из всех зафиксированных вариантов игры с веревкой или арканом наиболее распространенными на Ижме являются следующие. В круг танцующих пар хороводница с хороводником вносят аркан или веревку и предлагают молодежи поиграть в «женихов с невестами». Приговаривая всякие остроумные четверостишья, они на глазах у всех крепко связывают концы веревки особым узлом. Смысл всех прибауток сводится к тому, что аркан или веревка хороши не только в обращении с оленями, но и в семейной жизни незаменимая вещь. Тут же хороводники, на потеху всем присутствующим и для пояснений смысла и правил игры, разыгрывают несколько комических сенок. Сюжеты этих сцен вращаются вокруг одной темы: как муж при помощи аркана обуздал строптивую жену или, наоборот, жена проучила

нерасторопного, незадачливого мужа. В обоих случаях аркан играет роль орудия наказания, при помощи которого достигается взаимопонимание и мир в семье. После этого хороводники становятся ведущими и «судьями» игры, строго следящими за выполнением всех правил. Прежде всего, они предлагают девушкам завязать своими белыми платочками юношам глаза, а самим взяться за веревку. Девушки берут правыми руками связанную в кольцо веревку и расходятся на круг, растягивая ее как можно шире. Все они обращены лицом по ходу часовой стрелки. Юношей хороводники расставляют внешним кругом спиной к девушкам. По просьбе хороводников гармонист начинает играть плясовую мелодию «Шондыбанэй олэмэй». Девушки, приплясывая, идут по кругу, не выпуская веревку из рук. Юношам нельзя подсматривать за девушками, они обязаны стоять к ним спиной, не снимая повязанных платков с глаз. Неожиданно хороводница или хороводник дает сигнал гармонисту прекратить игру. Как только смолкает гармошка, девушки должны тут же остановиться. Хороводница громко произносит какое-то складное четверостишье, в конце которого называет имя парня. Он должен прислушаться и определить, в каком месте, далеко ли от него стоят девушки. Как охотник, он должен четко определить место нахождения важеньки (оленихи). А девушки стоят, «не дыша», боясь выдать себя.

Сделать им это не просто, поскольку хороводники начинают нарочно рассказывать что-нибудь смешное или лести околесицу с целью рассмешить девушек и тем самым заставить их выдать себя. Определив, наконец, где, по его мнению, находятся важенки, юноша протягивает руку и пытается схватить девушку, а она, не выпуская веревки из рук и не сходя с места, старается увернуться от его руки. В игре большое значение имеет то, как он поймал девушку: за руку, за плечо, за волосы... Затем следует шуточный комментарий хороводников. Под общий смех парню развязывают глаза и разрешают посмотреть на свою «добычу». Хороводница спрашивает его: «*Ки сёрти?*» («По руке?»). Если девушка ему нравится, он отвечает утвердительно. Если и ей парень приглянулся, она также кивает головой. Если парень с пойманной им девушкой не питали взаимных симпатий, они отвечали: «*Кепьсьыс абу сёрти*» («Рукавица не по руке»). В этом случае девушка оставалась в кругу, а юноше вновь завязывали глаза, и они продолжили игру в надежде попасть в пару с теми, кто у них был на примете. Задача хороводников и гармониста заключается в таком ведении игры, при котором все пары образуются как бы случайно, невзначай, но всякий раз в одной паре оказываются именно те, кто хотел бы в ней оказаться. А симпатии молодых людей обычно знают все на селе.

Гармонист после паузы продолжает прерванную плясовую, игра возобновляется. Образовавшиеся пары выходят из круга, идут «на выпас». Их «пасет» один из хороводников. Он строго следит за тем, чтобы парень держал девушку именно за то место, за которое он ее поймал, когда глаза его были завязаны. Естественно, это вызывает веселую реакцию всех присутствующих: шутки, смех, а порой и достаточно колкие комментарии. Постепенно девушек у веревки становится всё меньше, появляются «лысье места», и, наконец, при очередном повторе на это пустое место веревки попадает рука юноши. Всю игру девушки именно к этому и стремились. Они нарочно пытаются заставить парня взяться за «голую» веревку. Шутки и колкости по поводу его промаха сыплются со всех

сторон. Отпускать веревку он уже не имеет права. Для большей надежности стоящие рядом с ним девушки накидывают ему на руку тугие петли из той же веревки. Теперь, будучи «привязанным» к общей веревке, юноша должен поймать любую из девушек. Задача это совсем не простая, особенно если девушки отказываются снять с его глаз платок и ему приходится ловить их с завязанными глазами. Девушки тоже не имеют права бросать веревку или перемещаться по ней. Их задача — при помощи всё той же веревки сковать действия парня, помешать ему поймать кого-нибудь. Как только парень, за которого «болеют» и которому помогают, подсаживают все присутствующие, делает попытку настичь какую-либо девушку, подруги должны «спасать» ее. Они тут же натягивают веревку в противоположную сторону, удерживают его. Все девушки играют против одного парня, и для успешного ведения игры им необходимы сноровка, согласованность коллективных действий. Если парню удалось поймать девушку, она становится его парой и они вместе выходят из игры «на выпас». Чем меньше девушек остается в кругу, тем трудней им противостоять «пойманному» парню. И в конце игры все оказываются в парах. Но, как правило, обязательно найдется парень, который никак не может поймать девушку. Такого девушки, оставшиеся в кругу, на потеху всем могут отхлестать веревкой, чтобы в следующий раз был попроворней. Он становится «третьим лишним» и в поисках пары должен гнаться за самой резвой из всех оставшихся девушек. Она сначала ударяет его многократно сложенной веревкой и забрасывает ее подальше в луг. При этом старается, чтобы веревка размоталась или запуталась. Он должен подобрать веревку, сложить ее определенным образом и только после этого гнаться за девушкой. Ее спасение у пар. Встав перед любой из них, она делает «третьей лишней» девушку этой пары, и теперь уже та, в свою очередь, должна спасаться бегством. В случае, если парень настигал девушку, он ударял ее веревкой и бросал веревку на землю. В ответ настигнутая девушка должна поднять веревку, определенным образом сложить, если

она запуталась, и бросаться в погоню за парнем. Его, в свою очередь, спасало от погони пристраивание к какой-нибудь из пар. В таком случае юноша из этой пары становился «третьим лишним» и т.д.

В другом варианте игры все девушки играют против одного юноши. Они стоят лицом к центру круга и обеими руками держат перед собой веревку. Внутри круга входит юноша. Хороводница завязывает ему глаза платком. Если девушек много и круг большой, глаза могли и не завязывать. Гармонист по команде хороводника начинает играть плясовую мелодию, девушки поют припевки и, пританцовывая, идут по кругу. Юноша приплясывает в центре круга, изображая полное равнодушие к девушкам, но сам, тем не менее, приглядывает или, если глаза завязаны, «прислушивает» себе одну из них. Внезапно гармонист прекращает играть, юноша бросается к кругу, пытаясь поймать за руку приглянувшуюся девушку. Паузу гармонист вместе с хороводником выдерживают по своему усмотрению. Если им жаль девушку или они не согласны с выбором парня, гармонь так же внезапно, как замолчала, вновь начинает играть, что является сигналом прекращения погони за девушками, и все тут же сно-

ва начинают плясать. Поймать девушку надо, пока молчит гармошка. Гармонист своими действиями может помочь в игре либо парню, либо девушке. Играя то громче, то тише, быстрее или медленнее, он фактически руководит игрой, подсказывает юноше более удачные действия, особенно, если у того завязаны глаза. По условиям игры, юноша должен поймать или хотя бы дотронуться до руки девушки. Если это ему удастся, она выбывает из игры. Чем меньше девушек остается у веревки, тем труднее парню строить свою игру. Тем более что девушки стараются не быть пойманными и заставить его ошибиться — схватиться за веревку. В таком случае он сам «поймался». Дружно налетев со всех сторон, девушки опутывают его веревкой по рукам и ногам, а сами разбегаются в луга. Парень должен как можно быстрее выпутаться из веревки, смотать ее особым способом и только после этого мчаться в погоню за девушками. Догнав любую из них, он имеет право ударить ее смотанной веревкой по спине. Откупиться от такого наказания девушка могла поцелуем, но многие предпочитали терпеть удар веревкой, чем при всем народе целовать парня. Поэтому старались убежать подальше, спрятаться под берегом реки, чтобы

Луговой хоровод «Мунны звойкон» («Иди вереницей») охотно танцуют и на свадьбах

никто не видел, на чем они сошлись. В любом случае колкие комментарии тут не заставляли себя долго ждать. Если парень замешкался и не поймал ни одной девушки, хороводники отнимали у него веревку и стегали его самого, чтобы в следующий раз был проворней. Тот из парней, кто за весь вечер так ни разу и не настиг девушку, рисковал получить обидное прозвище, остающееся порой за ним на всю жизнь.

Возвратившись из лугов на место игры, девушки вновь брались за веревку, в середину заходил другой юноша. Игра возобновлялась. Чтобы не надоедало, хороводники меняли правила игры, фактически придумывался новый ее вариант. От предыдущего новый отличался тем, что во время танца юноша заранее выбирает ту девушку, за которой будет «охотиться», и сговаривается с ней о «награде». Если же он по ошибке поймает не ту девушку, его ждет «суровое» наказание веревкой. Эти условия ставят перед юношей дополнительные трудности, требуют особой ловкости, силы, смекалки, умения распознать с закрытыми глазами среди всех девушек свою. Весь девичий хоровод играет против него, но по правилам девушки должны действовать совершенно бесшумно, чтобы голосами не выдать место нахождения избранницы. А поскольку смотрящие за игрой парни всячески стараются их рассмешить, отпуская разные шуточки, то им редко удается сдержаться. Помогает парню и гармонист, который играет тем громче, чем ближе парень приближается к своей девушке. И, конечно, за него болеют его «союзники» — такие же парни, как он сам, и сердобольные старушки, ревностно следящие за тем, чтобы всё было по правилам. Часто ему подсказывают хороводники, но не прямо, а иносказательно: «горячо» или «холодно».

В еще одном варианте игры с веревкой две части. Первая часть очень похожа на предыдущую. Девушки хитрят, сбивают с толку, прячут избранницу парня, всячески стремятся запутать его и заставить ошибиться. Если он ловил не свою девушку, ему позволяли снять с глаз платок, но на руку набрасывали тугую петлю, не разрешая освобождаться от нее. Продолжать играть и

ловить свою девушку он теперь может только одной рукой, а другая опутана веревкой. Девушка, с которой он играет, держится за эту же веревку. Она тоже не имеет права выпускать ее из рук, но хороводницы дают ей возможность маневрировать, ослабляя один конец веревки. А действия парня они пытаются, наоборот, сковать другим концом связанной кольцом веревки. Как и во всех других вариантах, в случае успеха парня ждет девичий поцелуй, а неуспеха — битье веревкой.

Самым любимым и веселым вариантом игры с веревкой считается тот, где один парень внутри веревочного круга пытается ловить уже не одну, а нескольких девушек. В этом случае юноше не завязывают глаза, а девушки все должны держаться двумя руками за веревку и перемещаться только вместе с ней, мешая парню поймать кого-либо из них. Как правило, он довольно легко ловит первую девушку, выводит ее в круг и танцует с ней. Но потом ему предстоит, не выпуская руки девушки, ловить вторую. Естественно, что первая этому противится. Если парню удастся поймать вторую девушку, то он выводит ее в круг и пляшет с двумя девушками. Если в погоне за второй упустил руку первой, она имеет право спастись от него бегством в девичий круг. И тут парень должен сам решать, за кем ему гнаться в первую очередь: за новой или за старой партнершей. Возникают забавные ситуации, когда парень пытается удержать сразу двух-трех девушек и при этом пытается поймать следующую.

В продолжении праздника игры с веревкой чередовались с хороводами, плясками, частушками. Разделившись на группы, ижемцы выбирали развлечения согласно возрасту, общественному положению, индивидуальным вкусам. Пожилые больше наблюдали за тем, как веселятся молодые, но при этом не упускали возможности что-то подсказать, на ходу поправить, посоветовать. Люди среднего возраста любили хороводить «воротами». Под вечер старики и детвора возвращались в село, а молодежь без усталости играла в подвижные игры, пела, плясала и веселилась на лугах всю ночь.